«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»
18 января 1957 г. 3 стр.

„ВЛАСТЬ ТЬМЫ"

Если бы не было в этом спектакле ничего, кроме Анисьи—Этторе Ильинского, то и тогда он заставил бы говорить о себе как об одной из наиболее ярких театральных работ сезона. И раскрою эту чертя начать именно с образа Анисьи, потому что Анисьи Ильинского — это именно сокровенная сердечная, его гуманистический пафос, его мужественное предупреждение.

Что сделано, что Анисьи — это непротиление злу, слепая покорность, бессознательство? Да, мы видим, конечно, как эта кротость, эта покорность и годы, которые наобрежает Толстой, «...плакали и молились, умерщвляли свою плоть и мечтали...», — но мы знаем также, что «...среди всего народа» — в особенности крестьян, не случайно, а неизбежно при гнете помещиков — (Л. Н. Толстой). Да, мы видим как сильны в сознании Анисьи вера в божий промысел и искупление грехами, но на этой почве — единственная для многих тысяч обездоленных людей, в которую выливались и чистые душевные порывы, их хлеб в добру и справедливости, мы видим и чистый, благородный, высокий, но также бессознательно, бессознательно в этих порывах и стремлениях.

Гениальный художник, правдивый рассказчик и мудрый мастер протиречивости, Толстой показал и то, и другое. Именно не противоречия, а их единство, заставил великий актер Ильинский сумел за богобоязненностью и кротостью Анисьи показать и ее сторонность, ее внешнюю силу, такое богатство человеческого духа, что для нас, прежний спектакль, правда, не, несущественной стала ее оболочка, в которой выступает эта черты образа, покорнейшие прежде всего своей непреходящей общечеловеческой силой и красотой.

Вот Анисья — в нем самом. Это прежде всего его совесть, его тяга к добру и справедливости, его вера в человека. Как образно, как достоверно его, когда в фильме — Анисья показывает себе в нем. Эту веру прежде всего в то святое, справедливое, что заложено в каждом, по существу, в каждом, в другом, обращаясь к их совести, хочется сказать — в чувство человеческого достоинства, в котором и заключено для Анисьи «добро», начало.

Анисья Ильинского — это не только протестанка и человечка в своих мотивах, необычайно трогательно и правдиво, но и, мы видим это настойчиво, большой, чистой, ищущей душа, человека для людей, а не для себя. В чем, мы, именно, в чем — в пассионности, в силой покорности можно обнять Анисья — Ильинский. В ее вере сила ее кротости, ее протест зла, жестокости, всякой несправедливости. Она не прячет его младенчески чистая душа. Его духовная богатства не остается в ее оболочке. Она не помогает кроткое убеждение, просьба, мольба, исчезает в своем праве обиженной и гнетомой, какой принадлежит своей звучности его стоянное «нет» на протест в ответ на слова Ивана: «...Ты ведь не представишь невинной пытостью поступок Нижнего, обмакнувшего сдуру Мотрону, ее смерть, ее на сына, когда, отрезая свою тяну, тот дает клятву перед иконой. И это прекрасно, что ты, такая кроткая, неколебимая вплоть тогда кроме чтобы вскочить повернуть в ней чувствие отчуждающего: отчего, что перевернуть неколебимо (в подобных ситуациях, в подобных ситуациях, не вспоминая вовсе, но уже запрещающие отношение, что встретить на нем — в ее — в ее — в ее — встретил бы у него в горле стоны, клятвы. Потому и не смотрит на у ему вверху на глаза.

Наверное, можно напомнить, сказу говорить, о том, что неражимый Анисья Ильинского, когда, наверное, пишись на печи, на ему — ее — ее — ее